

УДК 340.12

Попов А.А.,

Ректор,

Донецкая академия внутренних дел

Министерства внутренних дел

Донецкой Народной Республики

Popov A.A.,

Rector,

Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry

of Internal Affairs of the Donetsk People's Republic

ЛИЧНОСТНОЕ «ИЗМЕРЕНИЕ» ПРАВА КАК ОСНОВАНИЕ ПОНИМАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается проблема человеческого «измерения» права как исходного начала анализа правовых феноменов и как методологического основания интерпретации и понятия истоков, генезиса и развития правовой реальности.

Ключевые слова: личность, ценности, право, правовая норма, правовая реальность, диалектика личностного и социального в праве.

PERSONAL «VALUATION» OF THE LAW AS A BASE OF LEGAL REALITY UNDERSTANDING

The article considers the problem of human «valuation» of law as the initial origin of legal phenomena analysis and as methodological base of interpretation and concepts of origins, genesis and legal reality development.

Key words: *personality, value, law, legal norm, legal reality, dialectics of personal and social in the law.*

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями. Проблема определения того, что есть правовое бытие (правовая реальность), его содержание, структура, истоки и сущностные признаки, как известно, оставалась дискуссионной в отечественной философии права на протяжении конца XIX и всего XX столетий. Остроту проблеме придавал не только исторический контекст – Россия вступала в полосу радикальных социально-исторических преобразований и долгое время жила в условиях идеологического пресса марксизма как «единственно верной» идеологии, – но и многообразии теоретических подходов и методологий понимания права и его проявленности в социальном мире. Так, скажем, отечественный теоретик права Э.Э. Понтович, автор монографии «Философия права», еще в 1920 году полагал, что исторический и аналитический способы познания права понятия права не дают. Даже все попытки определения права родовым и видовым признаком должны быть отвергнуты, как полагал Э.Э. Понтович [10]. Тогда что же является признаком, который определяет сущностные качества права, – задаемся мы вопросом? Полагаем, что таким «признаком» является человек-социальный, где право выступает сущностной характеристикой его социальности.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор. В последние годы актуализация антропологической и персонологической составляющей права становится предметом исследований отечественных теоретиков права. И здесь следует упомянуть работы как дореволюционных (А. Алексеев, И. Ильин, Б. Кистяковский, Н. Коркунов, С. Муромцев,

Л. Петражицкий, Э. Понтович), так и современных авторов (С. Алексеев, А. Ковлер, Э. Кузнецов, Э. Соловьев, Н. Матузов, М. Марченко, Б. Топоркин).

Нерешенные ранее части общей проблемы, которым посвящается обозначенная статья. Вместе с тем вышеуказанные авторы порой лишь констатировали наличие антропологического аспекта права, рассматривали его лишь в качестве составной части правотворческого процесса, аспекта правосознания. В то же время, как мы полагаем, «антропный принцип» должен стать своеобразной «призмой» как понимания, так и исследования права во всех его аспектах и проявлениях.

Формулировка целей статьи. Целью данной статьи является обоснование антропологической и персонологической составляющей права как основания реального процесса функционирования правовой реальности, а также в качестве методологического основания правознания в его сущностном (аутентичном) выражении.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Согласно современным представлениям, действительное поведение человека как индивида происходит в определенном, объективном по отношению к нему ценностно-смысловом пространстве, обозначаемом понятием бытие или реальность, где все объекты этого пространства, материальные вещи и идеальные феномены, изначально даны индивиду в качестве ценностей [1, 2, 3]. Да и сама эта реальность, выстраиваясь в иерархию сферы общественной жизни – экономическую, политическую, социальную, религиозную, правовую, – представляет единство универсальных (абсолютных) ценностей и конкретно-исторических ценностей.

Абсолютные ценности бытия (Бог, справедливость, свобода, равенство, собственность и т.п.), или, что то же, – универсалии культуры, как и абсолютные ценности права (правовые универсалии – закон, преступление, наказание и т.д.), выявляют себя из реальной культурной практики людей по освоению ими этой культуры как естественной среды их существования. Однако мы полагаем, что подлинным и исходным началом всего этого процесса является человек с его особенностями психического отражения мира как мира ценностей.

На наш взгляд, это и есть то исходное «начало права», о котором писал в своей работе Э.Э. Понтович. Хотя в историко-философской мысли, кроме кантовского толкования природы права как легального (внешнего) соблюдения правил, существует известное учение Т. Гоббса, восходящее к «инстинктивной» природе человека. Мы упоминаем Т. Гоббса потому, что, как известно, его идеи и идеи И. Канта лежат в основании всей современной западноевропейской правовой мысли. Известно также, что, проанализировав положение человека вне гражданского общества в своей работе «Левиафан», Т. Гоббс пришел к выводу, что начало гражданского общества – во взаимном страхе. Состояние людей вне общества – война всех против всех. Война противоречит стремлению человека к самосохранению. Именно стремление преодолеть это состояние привело людей к осознанию необходимости договора. Вот что пишет Т. Гоббс по этому поводу: «Действие двух или более лиц, взаимно переносящих друг на друга свои права, называется договором (contractus)» [11, с. 297]. Договор, по Т. Гоббсу, необходим для сохранения мира, а это возможно при наличии единой воли всех людей. «А это может, – пишет Т. Гоббс, – осуществиться только в том случае, если каждый подчинит свою волю другой единой воле, будь то воля одного человека или одного собрания» [11, с. 330]. Если попытаться экстраполировать идеи Т. Гоббса и И. Канта на понимание правовой реальности, то одним из выводов может быть вывод о непосредственной связи феномена права с такими структурными элементами бытия, как индивид, сознание, нравственность, мораль. А это все суть антропологические феномены.

В свое время известный российский философ-правовед И.А. Ильин писал, что «источник права пребывает во внутреннем мире человека, и действовать в жизни право может только благодаря тому, что оно обращается к внутреннему миру, а именно к тем слоям души, в которых слагаются мотивы человеческого поведения и, сложившись, порождают живой поступок человека» [4, с. 252]. Сошлемся на мысль и современного теоретика права К. Кассио: «наука, – пишет он, – должна видеть право как переживаемую человеческую жизнь, а не как объективированную человеческую жизнь» [3, с. 37].

Что же скрывается рационального за столь метафорически выраженной И.А. Ильиным и К. Кассио мыслью? Вероятно, то, что становление и деятельность человека-юридического (*Homo juridicus*) представляет собой сложный личностный процесс диалектики правовой реальности как системы устойчивых социально-исторических ценностей права и их трансформацию, реконструкцию и усвоение под влиянием уникального жизненного опыта, образования и воспитания индивида.

Человеческое «измерение» права становится своеобразным, если можно так выразиться, фильтрационным, селективным механизмом, через который должны пройти все правовые идеи, чтобы затем воплотиться в действующем законодательстве. Объективируясь, они образуют действующее законодательство – систему норм «должного» к исполнению поведения.

Вместе с тем мы констатируем противоречивый характер взаимодействия правовых норм как объективированного «должного быть» и его отражение в личностной форме проявленности (в правовом сознании и правовом поведении человека). По крайней мере, можно фиксировать, что не столько объективированные формы права (нормы) формируют личность, сколько те конкретные витальные ситуации ее существования, связанные с правовыми нормами как действующими «должное быть». В итоге в сознании личности формируются следующие, на наш взгляд, формы отражения правовой реальности как правовых норм понимания и действия индивида в бытии: незнание норм (из-за отсутствия информации о них, отсутствия ситуаций, которые требовали бы такого знания, изменения норм, за которыми трудно уследить), несогласие с рядом норм (в силу несовпадения требований норм с личными интересами, нравственными и моральными убеждениями, личностно-экзистенциальным социальным опытом), непрофессиональное изложение и интерпретация норм источником права.

Такого рода отражения есть всегда сложный психологический процесс, интегрирующий в себе оценку, расшифровку когнитивной составляющей нормы и переживания этой нормы как выработки интенции (целенаправленности, нацеленности). Иначе говоря, отражение права в сознании личности всегда сопряжено с возникновением устойчивых правовых ориентаций как структурных элементов правового сознания. Думается, именно они и образуют живое «тело» того, что И.А. Ильин называет «внутренним миром человека» как человека юридического. Соответственно, названным функциям правового сознания – познавательной, оценочной и регулятивно-направляющей – определяется основная характеристика правового сознания – разумность в качестве уровня существования права в индивидуальном сознании человека как личности. В предикате «разумность», во-первых, подчеркивается рационально-логический уровень проявленности правовых знаний. Предикат «разумность», во-вторых, означает и то, что оценка правовой реальности правовым сознанием осуществляется на уровне «знания значений» нормы права и выработки личностного смысла как способа бытия правовой нормы в правовом сознании *Homo juridicus*. И в-третьих, предикат «разумность» означает личностную проявленность права как автономность «Я» по отношению к ценностно-смысловой реальности вообще и правовой в частности.

В современной литературе имеют место быть и несовпадающие с нашими представлениями о субъекте права мнения. Так, Л. Баткин убежден, что в качестве субъекта права (*Homo juridicus*) выступает индивид, и что «право абсолютно безразлично к личности, что «формальное право» не интересуется душой, ему нет дела до внутреннего мира индивида, в обмен же оно дарит ему возможность выступать в качестве гражданина во внешней и отверделой коже гражданства» [1, с. 216]. С этой точкой зрения вряд ли можно согласиться. И прежде всего потому, что если «должное» в праве по отношению к индивиду действительно формально, то вот возможное никак не может быть реализовано субъектом права, если его понимать только как роботизированного исполнителя норм. Возможное реализуется на личностном уровне жизнедеятельности субъекта права. И связано это с бытием именно личности, ибо только тогда право обеспечивает не просто социализацию, а самобытность человека как подлинное его бытие в мире культуры. «Право, казалось бы, безразличное к внутреннему миру человека, – пишет С. Максимов, – не может функционировать и развиваться без личностно развитых людей, способных сказать: «На том стою и не могу иначе». Оно и спрашивает таких людей, признавая за ними способность решать самостоятельно, что для них значимо, ценностно. Без личностно развитого субъекта права современная правовая культура была бы просто невозможной» [1, с. 247].

Таким образом, можно сказать, что быть подлинным человеком юридическим означает не просто воспроизводить значения положительного права. Но это значит быть носителем правового сознания и, следовательно, осуществлять смысловую связь с правовой реальностью, присваивать ее в качестве ценности (или неценности) своего личностного «Я». Эти наши суждения также восходят к идеям И. Канта. Согласно И. Канту, человек способен под влиянием общества формировать в себе «способность отвечать за свои поступки, проявлять уважение к моральному закону» [8, с. 372].

Эта развитая способность превращает лицо в личность. И. Кант пишет, что «...лицо подчинено только тем законам, которые оно само для себя устанавливает. Лицо же, возвышенное долгом как моральным законом внутри себя, и есть личность (*personlichkeit*), путем обязательства долга налагаются человеком собственным разумом» [8, с. 373]. И. Кант четко различает уровни (этапы) становления личности, которая им явно понимается не как внешний предикат социального. Индивид, полагает философ, в своем развитии сначала обретает способность «сознания тождества самому себе», то есть обретение «Я», и только позже, на высшем уровне развития, становится моральным субъектом – личностью.

Homo juridicus – это особым образом организованная личность, где фундаментальные идеи и принципы права входят в психологическую структуру сознания как устойчивые аксиологические диспозиции (функции). Формируясь в условиях социализации индивида в культуре, они представляют собой не «кальку» с «формального права», а есть результат самобытного присвоения его в качестве личностных структур правового сознания.

Выводы по исследованию и перспективы дальнейших поисков в данном направлении. Таким образом, мы убеждены, что психологической формой бытия личностных правовых феноменов являются психические установки (диспозиции сознания), образующие ценностные аксиологические функции правового сознания личности и ее направленность, придающие личности осмысленное поведение. В идее правового субъекта (*Homo juridicus*) заложен принцип осмысленного поведения как способность к совершению значимых в рамках ценностно-смысловой реальности – каковой и является правовая реальность – поведенческих актов и их переживанию как своих.

Таким образом, личность в качестве носителя права является таким устойчивым аксиологическим образованием «Я», когда право становится устойчивой психологической структурой личности, мотивирующей и направляющей ее поведение, изначально морально и юридически ориентированное. Это также означает, что *Homo juridicus* есть одновременно и «продукт» права, и творец правовой реальности – правовых отношений и правовых институтов. Трудно поэтому не согласиться с известным высказыванием А. Кауфмана о том, что «идея права есть идея человека в качестве личности, или она есть ничто» [1, с. 251].

Список использованной литературы

1. Максимов, С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления [Текст]: монография / С.И. Максимов. – Харьков: Право, 2002. – 328 с.
2. Васильев, В.Л. Юридическая психология [Текст] / В.Л. Васильев. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 656 с.: ил. (Серия «Мастера психологии»).
3. Право XX века: идеи и ценности [Текст] / под ред. Ю.С. Пивоварова. – М.: ИНИОН РАН, 2001. – 328 с.
4. Ильин, И.А. Путь к очевидности [Текст] / И.А. Ильин. – М.: Республика, 1993. – 432 с.
5. Алексеев, С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования [Текст] / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
6. Кудрявцев, В.Н. Социальные отклонения: Введение в общую теорию [Текст] / В.Н. Кудрявцев, Ю.В. Кудрявцев, В.С. Нерсисянц. – М.: Юрид. лит., 1984. – 320 с.
7. Винер, Н. Кибернетика и общество [Текст] / Н. Винер; пер. Е.Г. Панфилова; [общ. ред. и предисл. Э.Я. Кольмана]. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 200 с.
8. Кант, И. Религия в пределах только разума [Текст] / И. Кант // Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – 711 с.
9. Сержантов, В.Ф. Природа человека и его судьба (Философская антропология) [Текст] / В.Ф. Сержантов. – СПб.: Петровская академия наук и искусств, 1994. – 427 с.
10. Понтович, Э.Э. Философия права. Ч. I: Общее учение о праве [Текст] / проф. Э.Э. Понтович. – Кинешма: Типография Иваново-Вознесенского Губсоюза Потребительных Обществ, 1920. – 100 с.
11. Гоббс, Т. Сочинения: в 2 т. Т. 1 [Текст] / Т. Гоббс; пер. с лат. и англ.; [сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов]. – М.: Мысль, 1989. – 622, [2] с., 1 л. портр. – (Филос. наследие; Т. 107).

Статья поступила в редакционную коллегию 18.10.2017